

— ОТ РОЛИ К РОЛИ —

ЛЮБШИН — ИВАНОВ

Сов. культура. - 1989, - 28 июля, - с. 5

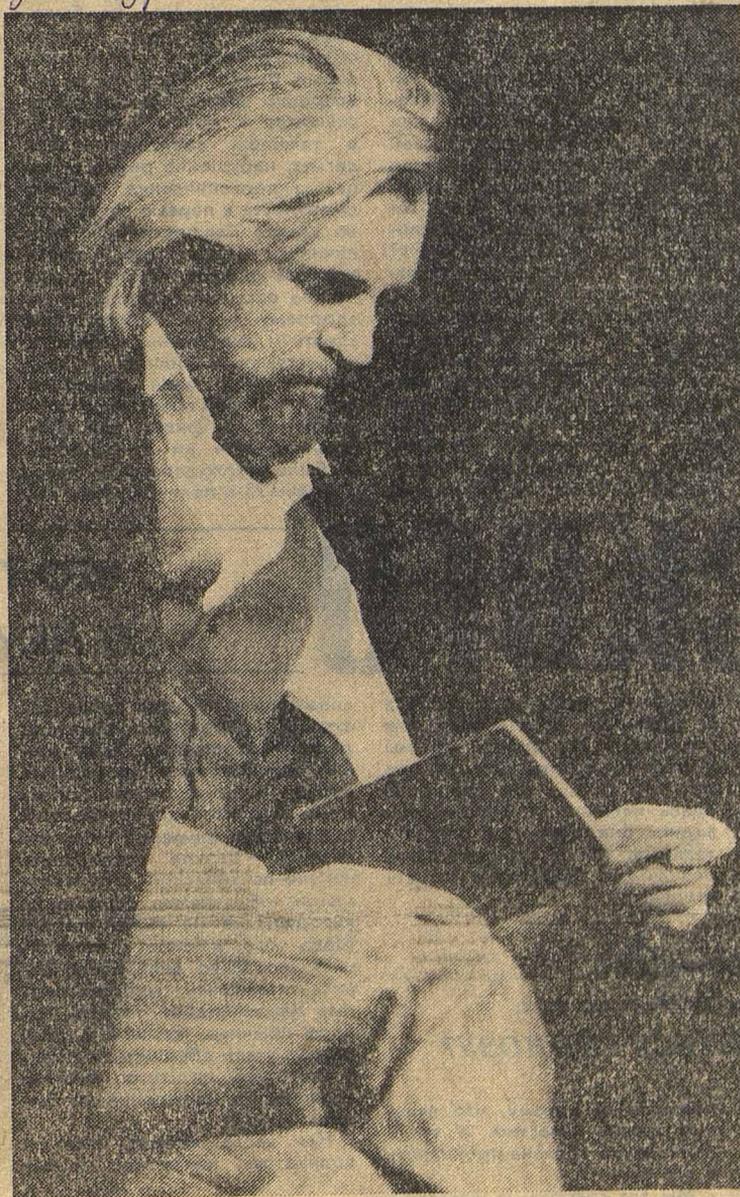
Любшин сыграл чеховского Иванова через двенадцать лет после премьеры в Художественном театре. Это большой срок. Спектакль был рассчитан на одного актера, на одну мощность, но по нему пустили ток другого напряжения. Свет струится то ровно и сильно; то опадает едва заметного тусклого мерцания, когда о нем только догадываешься; то загорается вдруг небывало ярким, почти белым свечением, но подобный накал не может длиться долго, он ведет к вспышке и затем к перегоранию.

Таково взаимодействие артиста со старой постановкой.

Поставленный в конце семидесятых годов, спектакль отражал настроение общества, какую-то всеобщую тогда усталость и опустошенность. Критика писала, что Смоктуновский играет драму сильного человека, которому не дано реализовать себя, о нерастраченности духовной энергии героя, что в нем мука преодоления, что с момента появления перед зрителем он в состоянии агонии, и смерть — последний поступок, все, что ему осталось, его единственный выход.

Любшин подхватывает тему Смоктуновского и развивает, а вернее сказать, завершает ее.

Если об Иванове Смоктуновского можно было сказать, что он отвергает псевдожизнь, то герой Любшина ничего отвергать или как-то поступать не может. Все уже произошло. И произошло

помимо него. Его жизнь превратилась в мучительное, изнуряющее копание в себе самом, попытку свести концы с концами и как-то осмыслить случившееся. Он не в конфликте со средой, этим бедным провинциальным обществом, — он лишь соотносит себя с ним. Отсюда и мягкая терпимость к доктору Лызову — он узнает в нем себя прежнего. Раздражается он, только когда его слишком уж отвлекают от той сосредоточенной работы, которая в нем происходит.

Если Смоктуновский играл агонию, конец жизни, ее исход, то Любшин играет состояние после агонии, полную исключенность из жизни, когда душа как бы отлетела и наблюдает за происходящим со стороны.

«Голова болит», — произносил Смоктуновский и кистью правой руки тер лоб, его левую сторону. Резкая, ломаная линия руки напоминала сломанное крыло птицы.

Любшин предлагает свою метафору. Его Иванов, плашмя вытягивает руку; раздвигает и вытягивает пальцы и сосредоточенно разглядывает их. Как нечто чужое, отдельное от себя. Рассматривает с любопытством и даже изумлением:

Как души смотрят с высоты
На ими брошенное
тело...

Истолкованием роли Иванова Любшин подтвердил свою репутацию актера тонкого и, несмотря на мягкость манеры, глубоко трагического.

Лана ГАРОН.